

М. М. РАВЧЕНКО

БЕЛОРУС В СОВЕТСКОМ СОЦИУМЕ (вторая половина XX в.)

Живя в эпоху всеобщей растерянности духа, белорусское общество вынуждено справляться с проблемами, порожденными его историческим прошлым, искать необходимые ориентиры развития, для того чтобы сохранить внутреннюю стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

XX в. в истории нашей страны стал одним из наиболее сложных периодов: в начале столетия в результате революционных событий изменился традиционный государственный и общественный строй Российской империи, частью которой была и Беларусь, родилось новое Советское государство. Середина столетия ознаменовалась новым потрясением — Второй мировой войной, последствия которой ощутимы и по сей день. В конце — осуществился кардинальный поворот от идеалов социализма к западным моделям развития. Эти даты стали определяющими в истории нашего Отечества. Становление нового типа общества, и как следствие нового человека, повлекло за собой коренные изменения в механизмах его социальной и национальной идентификации, материальной среде обитания и духовных сферах повседневного бытия, претерпел серьезные изменения психологический склад белорусов.

Революция, война стала мощным катализатором различных межсистемных взаимодействий. Тысячи белорусов побывали за пределами своей родины, смогли ощутить влияние других народов и культур. Именно подобные ситуации обостряют процесс национальной идентификации, который можно определить как форму социальной организации, при которой группа людей использует субъективные и символические аспекты культуры для создания внутренней сплоченности и отделения себя от других групп [1, с. 124].

В Советском Союзе, в условиях этнонациональной разнородности, русскоязычное население играло роль своеобразного «клея», который скреплял национальную конструкцию СССР. Русский язык стал доминирующим в культурном пространстве СССР, и на базе этого языка и этой культуры формировалась, по существу, новая сверхнация — «со-

Раўчанка Маргарыта Міхайлаўна — аспірант кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

ветский народ» — с территориальной и во многом культурной целостностью, основанной на тесной связи не только русских, но и трех славянских народов — русского, украинского и белорусского [2, с. 252—253]. Особенно этот процесс «слияния народов» набрал мощь после окончания Второй мировой войны. В связи с этим достаточно проблемной для власти являлась ситуация, когда белорусы обращались в высшие партийные органы республики с просьбами об издании и высылке газет, журналов на белорусском языке, высказывали гордость и желание работать на белорусской земле, что явно противоречило официальной позиции по национальному вопросу, а также свидетельствовало о том, что процесс национальной идентификации белорусов в ходе и после войны получил свое дальнейшее развитие вопреки официальной идеологии, согласно которой совместная победа советского народа над врагом должна была «закалить» межнациональную дружбу и преодолеть национальные различия. Приведем лишь некоторые примеры:

Из письма заместителя начальника госпиталя Костылева: «Раненые больные белорусской национальности подчас не умеют читать газеты на русском языке и очень интересуются жизнью своей родной республики. А поэтому убедительно прошу дать указание редактору республиканской газеты об аккуратной высылке республиканской газеты для вручения раненым больным белорусской национальности» [3, л. 29].

Из письма заместителя начальника политотдела в/ч 78037 майора А. Л. Веремеева: «В связи с тем что в нашей части имеется значительное количество красноармейцев и офицеров по национальности белорусы, которые очень интересуются вопросами, как идет восстановление Советской Белоруссии после временной оккупации немецкими разбойниками. А поэтому я прошу вас, если возможно, то выделите для воинской части 78037 несколько экземпляров газет на белорусском языке» [3, л. 35].

Капитан П. Ф. Приходько в письме на имя тов. Пономаренко пишет: «Я — беларус, з маленства жыву на Беларусі. Да вайны вучыўся ў КІЖы (г. Мінск), працаваў у беларускіх выданнях... Вельмі люблю сваю Беларусь, больш усяго на свеце. Беларуская мова — гэта мая родная мова. Я з кожным днём буду авалодваць ёю...» [3, л. 131].

В. Т. Жихарев также четко обозначает свою «белорускость»: «Я отлично понимаю условия работы в Белоруссии, представляю все те трудности, с которыми придется встретиться, но, несмотря на это, я хочу в это трудное время работать там, где родился, вырос и приобрел знания...» [3, л. 121].

Подобные письма, заявления, просьбы, в которых явно слышится некое противопоставление себя другим национальностям, были не просто проявлением некой национальной индивидуальности, а выражением протеста против официальной политики. Тем самым они демонстрировали способность личностей вариативно мыслить, критически оценивать себя и сложившуюся ситуацию, а не слепо принимать все сущее.

С 1930-х гг., когда белорусская интеллигенция была обвинена в «буржуазном национализме» и были арестованы 108 культурных деятелей, путем насильственной коллективизации было подорвано крестьянское хозяйство, начался хорошо известный всем республикам СССР процесс унификации народов. Это момент, от которого принято вести отсчет длительного упадка национально-культурного сознания белорусов. Белорусскоязычная интеллигенция планомерно заменялась русскоязычной. То же касалось и рабочих — мигрантов из деревни, принимавших русский в качестве языка общения. Если вспомнить о невосполнимых человеческих потерях в годы Второй мировой войны (треть населения в возрасте от 18 до 40 лет, то есть тех, кто мог составить основную силу общенародного процветания) и годы сталинских репрессий, первыми жертвами которых пали национально настроенные интеллигенты, искоренение белорусских учебных заведений (в 1950-е гг. большая часть районных и областных центров Беларуси вообще не имела белорусскоязычных школ), то причины «национальной маргинализации» становятся явными. И поэтому тем более удивительны в сложившейся ситуации проявления «белорусскости», сохранение национальной культуры.

Какие же параметры «белорусскости» позволили сохранить стабильную этническую самоидентификацию народа при активной политике русификации, в экстремальных условиях войны и послевоенной разрухи? Думается, что в первую очередь эта самоидентификация базировалась на государственной принадлежности — наличие своей национальной государственности, символа существования народа стало мощным толчком к возрождению подобных процессов. С другой стороны, далеко не последнюю роль в этом сыграло осознание собственной инаковости и построение так называемого этнического самообраза белоруса — целостного и устойчивого представления членов общности о том, что, собственно, объединяет их в этнос, отличный ото всех других по своему душевному складу, соответственно разделяемым ценностям, нормам, традициям, поведению, происхождению, нраву, внешнему облику

и т. д. Язык же, пусть и в несколько ограниченной форме, сохранял значение символической составляющей этнической культуры и традиции.

Но дальнейшее существование белорусов в рамках советского государства показало, что национальная идентификация является лишь частью сложного механизма идентификации человека в обществе, причем далеко не самой главной.

Для белорусов, которые достаточно активно проявляли свою национальную идентичность в послевоенное время, период 1950-х — начала 1980-х гг. стал временем затишья, можно сказать «отхода» от «белорусскости». С чем это было связано? Почему белорусы за несколько десятилетий смогли так глубоко воспринять пропаганду «советскости»? В то время как в других республиках СССР попытки унификации вызвали недовольство людей, все больше осознававших свою этническую общность, белорусы, наоборот, все более отождествляли себя с образом советского человека. 1960—1980-е гг. стали, на наш взгляд, решающими в этом процессе.

Вполне уместным здесь будет отрывок из воспоминаний Степана Мисько, «исключенного из КПСС за националистические высказывания и поступки, непартийную оценку советской действительности и аморальное поведение» [4, л. 26]: «А вось ужо ў 1970-х гг. нельга было сустрэць чалавека, нават і старэйшага ўзросту, каб размаўляў па-беларуску. Толькі яшчэ акцэнт выдаваў беларуса...»

У тых гады разгарнулася татальная русіфікацыя ўсіх дзяржаўных устаноў Беларусі, якую ўзначальваў і накіроўваў першы сакратар ЦК КПБ П. М. Машэраў...

Найбольш Машэраў напіраў на мову. Дакладна памятаю, як ён пакліў: “Ты думаеш, если бы ты стал президентом Белоруссии, так сразу все и заговорили бы на белорусском языке?”...» [5, с. 241–242].

С одной стороны, мы не можем не учитывать политику русификации, которая пагубно сказывалась на идентификации белоруса в советском обществе, но с другой — не можем не признать, что в словах П. М. Машерова была определенная доля правды. Сама история это доказывает — восемнадцать лет независимости Беларуси мало сделали нас белорусами, небольшую лишь часть из нас заставили почитать свой родной язык. Так все же, что произошло с нами за годы брежневского правления?

Возможно, годы «сытого» спокойного существования в рамках брежневского периода заставили нас переосмыслить возможности национальной идентификации, нам гораздо удобнее оказалось приспособить-

ся к системе, чем в корне ее менять. Сказалась психологическая травма, нанесенная нашему народу Великой Отечественной войной. Инстинкт самосохранения оказался сильнее, чем потребность в национальном самовыражении.

В сознании белоруса Великая Победа была связана с советской властью. С ней ассоциировалось спасение от тотального уничтожения, постепенное налаживание жизни. Благодаря труду и мощи всего Союза Беларусь до конца 1970-х гг. не испытывала особых экономических трудностей, что порождало в сознании большинства людей желание идентифицировать себя именно с этой властью, принять ее постулаты, осознавать себя причастным к ее свершениям. Так, в опросе 1989 г. Всесоюзного центра исследования общественного мнения (ВЦИО) на вопрос «Кем вы себя считаете в первую очередь: гражданином СССР или гражданином республики?» 70 % белорусов идентифицировали себя с советским государством. Для сравнения 97 % эстонцев и 42 % украинцев посчитали себя прежде всего жителями своих республик [6, с. 22]. Это свидетельствовало о том, что белорусы ближе всех восприняли идеи интернационализма и дружбы, причем это произошло не во время войны, как рассчитывала советская пропаганда, а в период мирного строительства, когда главным для белорусов оказалось стремление сохранить этот «порядок», относительное благополучие, пусть и в ущерб своей национальной идентичности. Ведь в любом случае каждый человек выбирал сам, кто он в большей степени – носитель советской или национальной культуры. И это самоопределение было непосредственно связано с идеологическим выбором. А проявления «белорускости», тогда фиксируемые, нужно относить к форме индивидуального сопротивления системе со стороны части интеллигенции и учащейся молодежи.

Положение меняется с началом Перестройки. Проведенные реформы привели систему СССР в крайне неустойчивое состояние. Все попытки руководства страны преодолеть кризисные явления становились катализатором дезинтеграции в жизни системы-СССР, привели к утрате реальных рычагов управления страной. Перестройка не решила ни одну из поставленных задач – ни проблему демократизации, ни рыночной экономики, ни федерального договора. В такой ситуации отдельные части системы становились более «зрячими»: появились альтернативные варианты развития. Местные политические элиты фактически начинали вести независимую от центра политическую линию.

Во многих советских республиках это проходило в условиях массового антикоммунистического и национального движения. В БССР фор-

мирование политической оппозиции на национальной основе прошло практически незаметно для руководства страны. Произошло это главным образом в силу особенностей самих оппозиционных организаций – неформальных объединений и клубов по интересам. В 1986—1987 гг. в республике возникло 7 тыс. подобных объединений, участниками которых являлись около 1 млн чел. Изначально политические вопросы в программу таких организаций не включались. Но во второй половине 1987 г. в деятельности этих организаций наметилась тенденция к централизации и политизации.

В результате переговоров с властями в декабре 1987 г. было получено разрешение на проведение под Минском съезда белорусских неформальных объединений. Его участники говорили о деформациях социализма, необходимости перестройки реального социализма, возрождения национальной культуры. Ссылаясь на Ленина, они критиковали КПБ. Таким образом, можно констатировать, что это уже было не культурно-просветительское, а политическое движение. В 1989 г. создается штаб политической оппозиции – Белорусский народный фронт «Возрождение», его программа имела открыто антисоветскую и антикоммунистическую направленность, а весной 1991 г. по стране прокатилась волна митингов и манифестаций. Так, незаметно для руководства страны белорусы включились в открытое противостояние властям, хотя, безусловно, этот процесс не был таким бурным, как в Восточной Европе и Прибалтийских республиках.

К началу 1991 г. процесс суверенизации республик становится необратимым. Система не смогла справиться с мощными центробежными потоками. Происходит распад прежних упорядоченных организационных структур, и на обломках этой системы начинается самостоятельный поиск новых форм упорядоченности, положивший начало новому циклу исторического развития.

8 декабря 1991 г. были подписаны знаменитые Беловежские соглашения, которые законодательно оформили распад системы-СССР и заложили основу новому мироустройству. А на руинах СССР было создано Содружество Независимых Государств. Для большинства советских граждан, и белорусов в том числе, это соглашение стало «громом среди ясного неба», ведь на общесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. советский народ высказался за сохранение Союза. Утверждение многих ученых и политиков о том, что Советский Союз доживал последние дни, а Беловежские соглашения лишь поставили точку в этом процессе, является, на наш взгляд, необоснованным. Здесь сработал несколь-

ко иной принцип – в точке бифуркации действия отдельных индивидов оказывали более существенное влияние на систему, чем всенародно принятое решение, и миллионам советских граждан пришлось «подчиниться воле немногих».

Для белорусов распад СССР стал весьма ощутимой трагедией и вошел в историческую память народа как бедствие, сравнимое по своим масштабам с не так давно пережитой войной. Как современникам этих событий нам помнится растерянность наших родителей, и особенно дедушек и бабушек, потерявших некий стержень, ориентир, к которому стремились всю жизнь, а потом он вдруг оказался растоптанным и уничтоженным.

Здесь сказался уже упомянутый нами механизм социальной идентификации белорусов в рамках советской системы. Относительное благополучие, как материальное, так и психологическое, воспринималось как наивысшая ценность, сохранить которую стремились во что бы то ни стало. В то время как у соседних народов шел процесс национального самоопределения, возрождались национальная культура и язык, усиливались политические схватки местной элиты с центром, большинство белорусов продолжали считать себя советскими гражданами, не прибегая к родному языку как средству общения, подчиняясь власти центра, не задумываясь о возможных альтернативах. На наш взгляд, дело было не только в политике, проводимой руководством страны. Доказательством этого служит то обстоятельство, что в период уже независимого существования Беларуси политика «белорусизации» не встретила достаточной поддержки в обществе, более того, часть населения враждебно восприняла «насильственную белорусизацию», а политическая элита оказалась неспособной к действительно продуманной политике «возрождения белорускости».

Лишь часть интеллигенции и молодежь проявили интерес к новым идеям, в частности, к идее возрождения белорусского языка и его применения в повседневной жизни. Приведем отрывок из «Письма 28_ми» Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву:

«Язык – душа народа, наивысшее проявление его культурной самобытности, основа полноценного духовного существования, пока живет родной язык, живет, имеет историческую перспективу и народ...

Мы переживаем сложный период в истории белорусского народа, когда требуются решительные действия по спасению родного языка, родной культуры, а следовательно, белорусского народа от духовного вымирания...» [7, с. 257–258].

Таким образом, советская система оказала глубоко парализующее воздействие на белоруса, его национальную идентификацию и развитие белорусского языка. Гораздо более значимыми для него оказались элементы социальной комфортности и псевдосправедливости, что находило отражение в чувстве тоски по советскому прошлому, постоянной отсылке к «светлым советским временам», сильной руке, которая указала бы верный путь. В данном случае можно согласиться с утверждением, что духовная несвобода, привычка к ней являются самыми разрушительными формами несвободы.

Процесс трансформации, который переживает современная Республика Беларусь, характеризуется масштабностью перемен и поиском оптимальной модели развития, в рамках которой вырабатываются элементы нового общественного порядка, осуществляется переосмысление места и роли белоруса в глобальных процессах современности. Трудности на пути осуществления проводимых преобразований заставляют нас обратиться к историческому опыту нашей страны, с тем чтобы попытаться уяснить, как и каким путем решались подобные проблемы в советский период нашей истории, какие ценности и принципы в жизни общества оправдали себя и от чего из опыта прошлого следует отказаться, что стало определяющим в выборе белорусом психологически комфортной модели существования в рамках советской системы, учитывая также необходимость духовного возрождения нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Турчин, П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории: пер. с англ. / П. В. Турчин // под общ. ред. Г. Г. Малинецкого, А. В. Подлазова, С. А. Боринской. М.: Изд. во ЛКИ, 2007. 368 с.
2. Шубин, А. В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс / А. В. Шубин. М.: Вече, 2005. 480 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 47. Д. 48. Письма и заявления Отдела агитации и пропаганды (январь 1945 — декабрь 1945 г.).
4. НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 81. Д. 2579. Протокол № 81 заседания Бюро ЦК КПБ от 9 янв. 1975 г.
5. З успамінаў Сцяпана Місько аб Машэраве і яго часе / Гісторыя Беларусі найноўшага часу ў дакументах і матэрыялах // уклад. Ю. Бачышча; нав. рэд. А. Смалянчук. Вільня: ЕГУ, 2008. С. 241—242.
6. Советский простой человек / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др. М.: Мировой океан, 1993. 300 с.
7. Ліст 28_мі. Мінск, 15 снеж. 1986 г. / Гісторыя Беларусі найноўшага часу ў дакументах і матэрыялах // уклад. Ю. Бачышча; нав. рэд. А. Смалянчук. Вільня: ЕГУ, 2008. С. 257—259.

